

Редакция «Вестника Императорского Российского общества садоводства» в январе 1874 г., привлекая подписчиков, информировала: «Кроме восемнадцати раскрашенных рисунков и неопределенного числа черных рисунков, к «Вестнику» будут приложены семена садовых и огородных растений, реестры, прејскуранты и объявления торгующих садоводов, семенных торговцев...».

Активная работа с читателями, стремление в полной мере удовлетворить их информационные интересы и потребности, разнообразные способы продвижения способствовали увеличению читательской аудитории, повышению ее лояльности — как к изданиям, так и к корпорациям, которыми они издавались. Об этом свидетельствует и увеличение год от года объемов, тиражей упомянутых изданий, количества приходящих от читателей писем (к примеру, в номере «Известий книжных магазинов...» за ноябрь 1897 года содержатся ответы на двенадцать писем, а в номере за ноябрь следующего года — уже на пятьдесят). И это при том, что дореволюционная корпоративная пресса обычно не раздавалась читателям бесплатно (как это принято сейчас), а распространялась платно, по подписке. Подписка

на корпоративный журнал, бюллетень или газету для членов данной корпорации, как правило, стоила дешевле, чем для всех остальных (так, подписная плата на «Известия Верхне-Сергинского Общества Сельского хозяйства» составляла 50 коп. в год для членов Общества и 1 руб. — для всех остальных). В некоторых случаях члены корпорации, уплачивающие членские взносы, корпоративное издание получали бесплатно. Такая практика, к примеру, была распространена в Крымском Горном клубе, в Обществе электротехников.

Исследование дореволюционной корпоративной прессы позволяет по-новому взглянуть на современные тенденции развития этого типа СМИ и критически относиться к целому ряду устойчивых мифов.

1. Корпоративное СМИ — это периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, интернет-сайт, интранет-портал или иная форма периодического распространения информации, служащая интересам определенной корпорации, созданная по ее инициативе и предназначенная, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К.В. Киселев

Киселев Константин Викторович
кандидат философских наук, зам. директора Института философии и права УрО РАН по научным вопросам

E-mail:
kiselev@instlaw.uran.ru

С легкой руки оставляющего власть Б.Ельцина, первоначально затеявшего кадровую чехарду, а затем неожиданно остановившего свой «царский» выбор на В.Путине, политическая практика демократизирующейся России обогатилась по сути абсолютно антидемократическим институтом «преемства» центральной исполнительной власти¹. В исследовательский политологический обиход прочно вошло устойчивое выражение «операция

«Преемник», которой посвящено значительное количество и действительно научных, и явно конспирологических исследований.

Сегодня политический механизм передачи власти вновь востребован. Приближение весны 2008 г. и выборов нового Президента РФ ощущается и политической элитой, и избирателями, и фондовым рынком, и журналистами. Причем, на наш взгляд, вольно или невольно, но механизм обеспечения «сдачи-приемки» власти был запущен уже достаточно давно. Именно в этом ключе стоит рассматривать и различные инициативы по смене Конституции РФ «под Путина» и длящиеся годами рассуждения «компетентных» юристов и «придворных» аналитиков о возможном третьем сроке для В.Путина, о пролонгации его полномочий на 7-летний срок и т.п. В силу того, что все это длилось достаточно долго, несмотря на неоднократные отказы самого В.Путина от «нового срока», логично предположить, что кампания не была спонтанной, вызванной верноподданническими чувствами, непрофессионализмом журналистского сообщества и отсутствием иных политических тем, а была инспирированной и управляемой. Видимая цель всех этих, на первый взгляд, спонтанных заявлений, инициатив и действий, — однозначное

доказывание безоговорочного политического веса и авторитета действующего президента и отсутствия «иной» альтернативы, кроме него самого и/или его «наследника». Попутно российского избирателя убедили в том, что гражданское общество в России «еще не созрело», а потому «правильно выбирать» россияне «еще не научились».

Такое символическое сопровождение оказалось исключительно эффективным. Его эффект суммарно превосходил все иные инициативы власти - от «мочения в сортирах» чеченских боевиков-террористов и регулярного повышения пенсий до национальных проектов. Избиратели могли быть недовольными любой инициативой власти, но признавали, что «кроме, как за Путина, голосовать больше не за кого», «остальные еще хуже», «следующий будет совсем плох» и т.п. Другими словами, избирателей убедили, что «Путину альтернативы нет», что Путин практически «всесилен», что власть «всегда добьется своего» и оппонировать ей бессмысленно.

Сегодня тема «третьего срока», которая себя эффективно «отыграла», сменилась новой символической логикой, которая уже непосредственно связана с обеспечением передачи власти. После февральской пресс-конференции В.Путина² можно однозначно утверждать, что механизм «преемства» не просто запущен, но заработал на полную мощь. Избиратели могут ознакомиться уже не только с комментариями аналитиков и аналитикой комментаторов, но и с вполне солидными работами. Например, в 2005 г. в издательстве «Алгоритм» вышла в свет книга Бориса Мазо «Преемник Путина, или Кого мы будем выбирать в 2008 году». Как следует из рекламы, книжка весит целых 370 грамм (!) и выпущена тиражом 3000 экземпляров.

Заметим, что тема необходимости преемственности власти в России звучала с самого прихода В.Путина к власти. Если в первые годы своего «правления» В.Путин сам был «преемником», то к концу первого президентского срока, когда его авторитет стал незыблемым, а сам он окончательно «сформировался» как «основной» политический субъект, «наследополучатель» начал превращаться в «наследодателя».

Символическая логика преемства власти, на самом деле совсем не однозначна и ее декодирование представляет исследовательский интерес. Если внешне речь идет лишь о передаче власти «сильным» и популярным политиком своему назначенцу, причем, оппозиции в этой схеме места просто не находится, то внутренние, скрытые смыслы много богаче и не столь однозначны.

Во-первых, сама логика преемства означает не только силу власти, но и ее слабость. Дело в том, что любой механизм недемократической, неконкурентной передачи власти символически означает слабость

этой самой власти, которая фактически признает свою боязнь легитимной конкуренции. Сила В.Путина в этой логике есть его слабость. Признавая наличие преемников, сам президент признал свою слабость. Акцентируя внимание на преемстве власти, свою слабость признавала вся политбюрократическая машина. Это фактически признали «люди президента», его СМИ, его администрация. Символически они проиграли заранее. Именно «из этой серии» заигрывание чиновников администрации президента с представителями референтных групп (интеллигенцией, представителями общественных организаций и т.п.) и «выразителями интересов» наименее поддающихся традиционным манипулятивным технологиям групп (активная молодежь, рок-музыканты и т.д.). И даже отрицание наличия преемников на пресс-конференции в феврале 2007 г., что противоречит многочисленным утверждениям противоположного толка, на самом деле ситуацию не меняет, ибо беспартийный президент все же оставил за собой право высказаться в поддержку какой-то конкретной кандидатуры. На практике это значит, что административный ресурс будет задействован именно на эту (эти) кандидатуру и ни на кого больше.

Отсюда следует и второй вывод: преемник подается и воспринимается массами как наследник действующего президента. Причем, предполагается, что преемник должен наследовать не только рейтинг популярности президента, но и его дела, проекты, качества и т.п. Причем, сам смысл наследования означает, что наследник что-либо приобретает, но не теряет. Другими словами, наследник символически всегда наследует лучшее, позитивное, отрицая негативное, нежелательное, угрожающее. Наследник, таким образом, это не только продолжение, но продолжение лучшего.

Заметим также, что такая логика восприятия наследования не является абсолютно позитивной для действующей власти. Однозначно, что наследник есть продолжатель, но не обязательно, что «продолжать» он будет лучше предшественника. Точнее, продолжать он «должен» лучше, но не обязательно должен быть лучше «наследодателя». Более того, наследник, как правило, оказывается мельче, слабее наследодателя, ибо он всегда сравнивается с предшественником, который в результате особенностей исторической памяти обычно идеализируется, становится эталоном для сравнения.

Третий принципиальный вывод из анализа смыслов преемства также не столь однозначен для власти, хотя, в общем и целом, работает на механизм «сдачи-преемки». Преемник в транслируемой сегодня большинством СМИ символической логике подается как «решенная задача». Преемник потому и

является преемником, что он уже стал самой властью. Преемник есть уже ставшее будущее, уже решенная проблема. В противном случае он собственно преемником и не является. Однако в трансляции смыслов «ставшего будущего», уже осуществленной передаче власти есть нюанс, связанный с наличием в электорате (прежде всего в референтных группах) значительного количества протестно настроенных избирателей. Логика «ставшего будущего» символически исключает их из процедуры выборов, усугубляя и без того негативное отношение к режиму, которое неизбежно транслируется практически на все группы электората. Негативный эффект от лишения права выбора существует и в лояльных режиму группах избирателей.

И, все же, даже при обозначенной символической амбивалентности логики «ставшего будущего» она, тем не менее, все равно в интересах власти, ибо она не отыгрывается оппозицией без помощи достаточно сложных для масс избирателей рассуждений. Другими словами, как только оппозиция начнет говорить, что преемник – это, отнюдь, не однозначно «ставшее будущее», она тут же попадает в символическую ловушку: электорат начинает актуализировать логику свершившегося и логику «от меня ничего не зависит, все решили без меня». Дело в том, что, отрицая факт «свершившегося выбора», оппозиция позиционируется именно по отношению к этому «свершившемуся». Если же оппозиция признает «ставшее будущее» заранее, а ее основной темой станет «выбор уже сделан без нас», то она автоматически распишется в своей слабости.

В-четвертых, следует отметить, что логика «преемства» означает, что другие кандидаты преемниками не являются, что, в свою очередь, заставляет позиционировать этих других именно по отношению к преемнику. Преемник один, а других много. В результате логика преемства власти фактически сводится к логике мнимой альтернативности или вообще безальтернативности.

Фактически в логике преемства подчеркивается всеисильность административного ресурса. И это еще один, пятый, смысловой пласт анализируемой технологии. Все равно он станет президентом – такова логика рассуждений избирателей естественным образом следующая из президентского предложения и поддержки определенного кандидата. Кстати, заметим, что даже, если В.Путин действительно выскажется в поддержку какого-либо кандидата только в агитационный период, как он обещал это сделать, то это, отнюдь, не означает, что административная машина не будет работать и до начала собственно избирательной кампании. Рассуждения о демократии при жестком административном давлении на выборах давно воспринимаются в обществе как элемент прикрытия, как шумовой фон.

В-шестых, символически «преемничество» подразумевает стабильность, сохранение и защиту сделанного, запрет (временный или постоянный) на перераспределение ресурсов. Таким образом, предшественник и преемник как бы гарантируют обществу и его элитам, что каких-либо серьезных потрясений, а уж тем более революций, не будет. Преемник «предлагает» значительным слоям электората своеобразное бегство от свободы. В результате молчаливое большинство получает долгожданное освобождение от бремени выбора, а немногочисленная элита некоторые символические гарантии от смены правил игры.

Кроме того, определение предшественником своего преемника означает фактическое отдание приказа на голосование за определенную кандидатуру. Не секрет, что сегодня одним из аргументов в политических и даже экономических дискуссиях является ссылка на президентские программы и проекты, его слова и авторитет, его намеки и недомолвки, недосказанности и даже настроение. Для большинства действующих публичных политиков вопрос: «Ты против В.Путина и курса власти?» - звучит как преамбула политического приговора и заставляет оправдываться.

Наконец, символически тема преемника усиливает субъектность самого предшественника, в нашем случае В.Путина. Даже, если В.Путин отрицает наличие преемников. Когда В.Путин утверждает, что преемников не будет, то именно он решает, быть им или нет. По большому счету В.Путин поступает очень технологично: первоначально инициировал тему преемства (2003-2006 гг.)³, затем продолжил интригу с помощью словесной эквилибристики: преемников нет, но «человека» назову, ибо имею право (февраль 2007 г.)⁴. При этом президент максимально тянет время, ибо раннее обозначение преемника мгновенно вызовет ослабление самого В.Путина.

В результате роста субъектности самого В.Путина ослабевает субъектность электората. СМИ и следом за ними избиратели обсуждают не кандидатов, но преемников. Конечно, просвещенная элита говорит о плюсах и минусах и Б.Грызлова, и С.Иванова, и Д.Медведева, и Д.Козака и десятка других кандидатов, но обсуждение это идет без признания своей собственной субъектности. Более того, обсуждаются не столько люди, сколько их рейтинги и то, что выгодно «великому и ужасному» В.Путину. Традиционны, например, рассуждения о том, что В.Путину выгоден более слабый преемник, нежели он сам, чтобы сохранить контроль за ситуацией в России, а в итоге - обеспечить себе возвращение в политику через определенное время⁵.

Если кратко обобщить все обозначенные символические логики, то получится технологически вполне приемлемая таблица:

Символические логики преимущественно позитивные для власти	Символические логики преимущественно позитивные для оппозиции
Преемник продолжит все лучшее, что было достигнуто	Преемник слабее В.Путина, в силу чего он не сможет «продолжить» дело
Преемник обеспечит стабильность и не допустит переворотов, переделов и революций	Избирателей лишили права выбора, принципиально нужно голосовать не за преемника
У преемника нет альтернативы. Есть преемник, и есть все остальные. Остальные менее значимы, чем преемник	Власть слаба, ибо боится демократической конкуренции, а потому преемник проиграет
Преемник все равно победит. Все уже решено.	
Больше голосовать не за кого	
Преемник победит, ибо весь административный ресурс будет работать на преемника	
Преемник победит, в силу поддержки В.Путина. А поддержка В.Путина решает все	
Преемник уже фактически победил	
Преемник может передать власть В.Путину обратно, через некоторое время	
За преемника голосовать нужно, просто потому, что нужно («там» так решили, больше не за кого и т.п.)	
Если ты поддерживаешь В.Путина, то должен голосовать за его преемника	
В.Путин все равно останется в политике и будет помогать преемнику	

Логика можно было бы множить, но и сказанного достаточно, чтобы придти к выводу: предложенные вероятностные ответы оппозиции явно и откровенно слабее логик власти. Хотя бы просто потому, что эти ответы, по большому счету, есть лишь реакция на логику власти, а потому находятся в рамках этой логики. Другими словами, оппозиция, говоря о преемнике, неизбежно попадает в символическую ловушку власти.

Представляется, что дискредитация механизма преемства и символических логик власти, связанных с передачей власти, возможны лишь через проведение ассиметричной символической политики. Например, обсуждение «преемников» должно идти не как преемников, а как кандидатов со всеми их плюсами и минусами. Причем, обсуждать в одном ряду нужно не только «преемников», но и иных кандидатов, предлагая их власти и обществу. Оппозиции, если она, конечно, не ангажирована, вообще лучше забыть слово «преемник», а СМИ за одно только употребление этого слова нужно брать деньги, как за нормальную «джинсу». Соответственно требуется обсуждение не только личностей, но и программ.

При этом очевидно, что действительное публичное и конкурентное обсуждение в условиях ангажированности СМИ едва ли возможно, но элементарные «движения» в эту сторону просто необходимы, ибо дискуссия по всему списку кандидатов находится в логике нормального

гражданского общества. И естественным образом противоречит логике власти. И это только одна из возможностей для ассиметрии в ответе, которых множество, как, заметим, и кандидатов. Например, ассиметричные Л.Рошаль, Б.Гребенщиков, В.Шахрин или Ж.Алферов гораздо опаснее для путинского протеза, чем вполне системные М.Касьянов, Г.Зюганов или Б.Немцов.

Кроме того, оппозиция четко должна понимать, что ситуация с «тефлоновым» президентом не должна повториться. И в этом плане гражданское общество должно требовать от кандидатов и программу, и реальную биографию, чтобы не допустить возникновения зеркального эффекта, который в свое время использовал В.Путин (каждый видел в В.Путине того, кого хотел, а не того, кем он был в реальности). Кстати, заметим, что сегодня попытки создания «зеркального эффекта» уже видны. Например, бессодержательные речи Д.Медведева именно из этого арсенала: на цементном заводе он ратует за увеличение производства цемента, а на ферме с видом специалиста призывает повысить надои. В результате «преемник» начинает разбираться во всем, постепенно становясь «зеркалом» для избирателей.

И все же, существует ли проблема-2008? - И да, и нет.

Нет, потому что, положив руку на сердце, следует согласиться с тем, что «преемник» пока однозначно побеждает

любого из различаемых кандидатов. Проблемы не существует также, потому что власть от В.Путина перейдет к одному из членов нового Политбюро. И в этом отношении, совсем не принципиально, кто из секретарей этого Политбюро займет пост президента РФ. В этом отношении секретарь Медведев ничем не лучше, но и не хуже секретаря Иванова. А секретарша Матвиенко идентична секретарю Миронову. Более того, не исключен вариант, когда пара секретарей с благословения Политбюро пойдет на выборы, якобы, конкурируя друг с другом. Сути дела это не изменит. Посетителям электорального ресторана в меню просто-напросто предложат разные варианты «комплексного обеда». Например, если кому-то несимпатичен «плюшевый» Медведев, олицетворяющий половинчатость, несамостоятельность, газпромовскую зависимость, то он сможет выбрать, якобы, более решительного министра обороны Иванова. Такого рода сочетаний можно придумать и предложить множество, все зависит от технологической проработки проблемы.

Проблема 2008 г. существует пока лишь в одном варианте: сможет ли оппозиция предложить здравую, просчитанную программу модернизации России. Эта программа даже не будет альтернативной. Она будет единственной, ибо пока нет никакой.

1. Практика «преемства» власти активно использовалась и используется как на региональном уровне, так и на уровне местного самоуправления. Например, в 2000 г. Н.Кондратенко, бывший Губернатор Краснодарского края, реализовал схему передачи власти своему единомышленнику А.Ткачеву. В 2004 г., уходя на повышение в федеральное правительство, пользующийся популярностью Губернатор Пермской области Ю.Трутнев фактически «отдал» власть своему соратнику О.Чиркунову. И таких примеров достаточно много.

2. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. 1 февраля 2007 года // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/01/1219_type63380type63381type82634_117597.shtml

3. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 года // http://www.kremlin.ru/appears/2003/06/20/1237_type63380_47449.shtml; Встреча с журналистами в избирательном штабе по окончании голосования на выборах Президента России 15 марта 2004 года // http://www.kremlin.ru/appears/2004/03/15/0321_type63380_61835.shtml; Встреча с руководством и членами коллектива Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) 13 мая 2006 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105647.shtml>; и др.

4. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. 1 февраля 2007 года // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/01/1219_type63380type63381type82634_117597.shtml

5. <http://forum.msk.ru/material/politic/16852.html>; <http://www.apn.ru/publications/article10052.htm>, и многие др.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Е.Г. Дьякова

Дьякова Елена
Григорьевна
член Общественной
палаты РФ,
доктор политических
наук,
ведущий научный
сотрудник
Института философии и
права УрО РАН

E-mail: ms_urfo@bk.ru

На сегодняшний день сложился устойчивый стереотип, согласно которому некоммерческим организациям вроде бы нет особой необходимости участвовать в развитии информационного общества, поскольку в современной России с этим вполне успешно справляются бизнес и государство. Но так ли это на самом деле? Да, сейчас благодаря частным инвестициям инфокоммуникационные технологии (ИКТ) превратились в одну из самых стремительно развивающихся отраслей российской экономики. Но

с учетом инвестиционных рисков и операционных расходов в сферу интересов бизнеса попадали и продолжают попадать в первую очередь самые привлекательные рынки, с высокой доходностью. Поэтому, как и во всем мире, информатизация в стране началась с мегаполисов и крупных городов и только затем постепенно стала переходить на менее привлекательные, низкодоходные, рынки. Это, так же как и во всем мире, породило внутри федерации «цифровое неравенство» и сформировало группы «информационно богатых» и «информационно бедных» и, что является уже нашей российской спецификой, усилило расслоение общества, и без того уже разделенного на множество групп. Конечно, эти внутренние противоречия (экономические, поколенческие, ценностные и др.) существовали и раньше, однако с появлением ИКТ возникла опасная тенденция к их расширению и углублению.

Авторы Федеральной целевой программы «Электронная Россия» исходят из того, что решение проблем информатизации страны в приемлемые сроки невозможно только за счет использования существующего рыночного механизма и требуется государственная поддержка на всех уровнях. Информатизация государственного управления